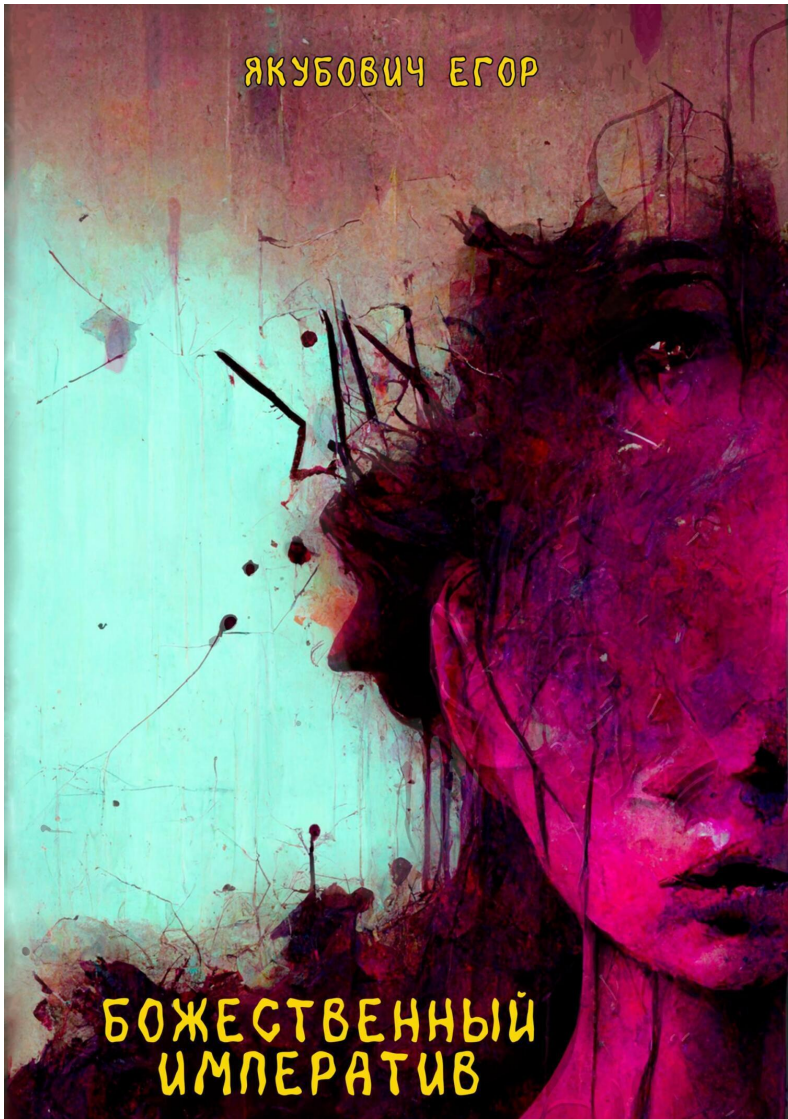

ЯКУБОВИЧ ЕГОР

БОЖЕСТВЕННЫЙ
ИМПЕРАТИВ

Егор Якубович

Божественный императив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69056683

SelfPub; 2023

Аннотация

Что произойдёт, если так ценимый и ревностно охраняемый нами мир окажется не прочнее карточного домика, что может рассыпаться от лёгкого дуновения ветра? Что если божественная природа никогда не задумывала человека как неотъемлемую часть своего замысла и явившись в мир посмотрит на свои творения с безразличием? Лучше о таком лишний раз не задумываться.

Егор Якубович

Божественный императив

"Если бы Бога не существовало, его следовало бы выдумать" (с) Вольтер

Когда настал судный день, никто не потрудился к нему подготовиться. Не ходили процессии монахов с бритыми головами по улицам городов. Не выступали главы государств в срочных обращениях к народу. Молчали рупоры экстренного оповещения. Ни в газетах, ни в публикациях интернет-изданий не горели броским шрифтом зловещие заголовки. Даже не нашлось подходящего пророчества по индейским календарям на этот день, чтобы приход катастрофы не висел в пустоте пугающей случайностью. Это был самый обычный день. И то, что случилось – просто случилось, как могло случиться в любой другой из дней.

А когда всё началось, новостные заголовки перестали быть нужными. На всём земном шаре не нашлось бы человека, пропустившего явление перемен. Оно ощущалось так как, наверное, и должно было. Болью. Мучительной и нестерпимой болью от самых глубоких атомов и до поверхности кожного покрова. Яркая вспышка пронеслась как вы-

соковольтный разряд выжигая нервные магистрали за считанные мгновения. И все ощутили смерть. Даже самые мощные бомбы не могли претендовать на те разрушения, что породил приступ всеобщей боли.

Люди замертво падали там, где их застала агония. На своих рабочих местах и в офисах сверкающих башен. В кабинах скоростных поездов и за штурвалами пассажирских самолётов. На горных пиках и в шахтах под поверхностью земли. Умирали по пути на работу или домой, за рулём своих купленных в кредит автомобилей, провоцируя тысячи автокатастроф. Таким было первое касание незримого ужаса. Иначе случившееся было не назвать. Сила, поставившая мировую цивилизацию на колени, не удосужилась представиться или объяснить. Наверное, всем было бы легче отойти в мир иной в ту самую роковую первую минуту, но к несчастью, блаженная смерть досталась многим, но далеко не всем.

Те, кого чувство смерти не поразило сразу, страдали сильнее прочих. Их истошные вопли боли стали первыми звуками, изречёнными с момента катастрофы. От этого не существовало укрытия или спасения. Нападение из глубин нервной системы свело человечество с ума. Люди выпрыгивали из окон, резали себя и топились. Целыми семьями или по одиночке. Солдаты в военных частях уходили быстро и без приказа, прикладывая к небу дула своих винтовок. Беснова-

лись дети несправедливо оказавшиеся слишком немощными, чтобы самостоятельно последовать за умершими родителями. Все искали способ избежать боли, ведь она была не просто сильной. Она была инородной. Не человеческой. Не для человека была предназначена эта боль.

Несколько долгих минут длился судный день, а сразу после, мир замолк так же неожиданно как и взорвался криком. Наступившая глухота напоминала последствия контузии. Опустели города и улицы, утопленные в крови. Молчали радиоэфиры и мобильные сети. Эта тишина была громче любых криков. После неё не могло быть уже ничего хорошего. Восемь миллиардов жизней оборвались одним событием. Так самый обычный день в истории человечества, стал для неё последним.

Точнее был бы, но долгое молчание мёртвой земли всё же прервалось еле слышимым дыханием. И тихим плачем. Из щелей и проулков стали появляться одинокие и сгорбленные фигуры. Те, кто пересидел и выдержал то, что не смогли остальные. Сломленные и разбитые. Потерявшие всё и всех в одночасье. Последние люди на планете. Их было немного, практически их и не было вовсе в сравнении с теми, кого забрала мозговая буря. Точные цифры будут страшнее предположений.

Они бродили по выжженной неизвестным мором земле, горевали над телами и обращали к небу полные слёз глаза. Долгие недели продолжалось их бесцельное и бессмысленное существование. Бывало, что одиночки сбивались в небольшие группы, чтобы почувствовать рядом хоть кого-нибудь дышащего и живого. Несмотря на короткое время, проведённое вместе, они становились друг для друга роднее и ближе самых верных друзей, настолько пугающей оказалась перспектива долгосрочного одиночества. Но даже так, вероятность наткнуться на себе подобных была практически нулевая. Редко когда удавалось собрать в некогда многолюдных городах миллионниках хотя бы десяток уцелевших.

Эта горстка чудом не умерших пыталась самостоятельно обосновать свалившуюся на привычный мир катастрофу. Кто сохранил трезвость мышления пытался рассуждать логически, но таких было меньшинство. Прочие находили единственно верное, по их мнению, объяснение. Это не природный катаклизм и точно не техногенная катастрофа. Слишком быстро и слишком страшно. Природа явления конца человечества лежит в откровении, что сотворить подобное могла лишь сущность, выходящая далеко за рамки человеческого понимания. Сущность, что вполне могла оказаться Богом.

Смелая в своём зачатке гипотеза быстро нашла поддержку

и распространилась по рядам отверженных. Было это приблизительно через полгода после конца судного дня. Города обезлюдели, а дикие звери, осмелевшие от безнаказанности, подчистили незахороненные тела и прочно обосновались в каменных джунглях на правах полноправных хозяев. На замену разрозненным группам и одиночкам пришли первые человеческие сообщества и коммуны на руинах старого мира, которые пережили утраты и готовы были двигаться дальше.

Они приняли новый порядок вещей и божественную природу апокалипсиса. Её стали именовать "Божественным императивом". Цепочка размышлений теологов нового мира была такой же простой, какой была всегда перед генезисом нового духовного учения. Случайности не случайны, особенно такого масштаба. Если человечество постигла такая жестокая кара, значит определённо на то у Бога были свои веские причины. Выходит, не выдержали люди проверки и были уничтожены за грехи свои и неверие в истину. И с этим нужно было что-то делать, пока остался хоть кто-то способный действовать.

Под этим лозунгом радикализация новообразованных сообществ просочилась сначала в отдельные секты, а после и в более крупные общины. Божественный Императив, ставший суровым палачом, был возведён в культ нового закона

и порядка, который выжившим только предстояло разгадать и познать.

Но все понимали волю императива по своему. Самые недолговечные общины ставили в центр своей идеологии стремление к смерти и боли, как постулат Божественного императива в момент его явления. Они практиковали пытки и ритуальные жертвоприношения, полагая, что сие было явлено как благо и путь к спасению. Культы самоубийц множились, но быстро угасали со смертью своих последних адептов. Их не заботило ничего кроме личного, индивидуально-го спасения.

Иные обратились к познанию божественного закона, за несоблюдение которого был уничтожен род человеческий. Они искали закономерности в своих жизнях, выводили новый уклад, который должен был лечь в основу нового общества согласно воле Божественного Императива. В таких общинах люди считали себя последними праведниками и облачали поступки в строгие нормы за несоблюдение которых без пощады карали.

Были и те, кто на фоне общей паники взял главенство над уцелевшими в свои руки. Самозванные пророки и жрецы множились и соревновались в харизме и убедительности. Легковерная паства шла за ними по пятам и выполня-

ла все приказания, даже самые абсурдные. Проводники воли Божественного Императива были либо лживыми манипуляторами, либо честными сумасшедшими. Разношёрстность культов того или иного пророка, со своим мировоззрением и идеологией была огромна. От боестолкновений на почве веры людей спасала только разрозненность общин по планете. На сотни и даже тысячи миль они были удалены друг от друга, поэтому отряды фанатиков не пересекались.

Но если такое и случалось, кровопролитие было практически неизбежным. Противоречия религиозных догм издревле считались достаточным основанием для смертоубийства, даже среди самых миролюбивых духовных учений. Люди по-прежнему ценили свои жизни не больше, чем во времена, когда их было несколько миллиардов. Даже перед угрозой неминуемого вымирания они абсолютно не изменились.

Но сам мир изменился. Он изменился глубже, чем было заметно с первого взгляда и далеко не всем эти изменения были очевидны. Первые зачатки воли Божественного императива происходили на молекулярном уровне. На уровне химических элементов и их взаимодействия. Например, видоизменился процесс коррозии, захвативший миллионы тонн металла, на которых некогда стояла человеческая цивилизация. До последнего коррозия оставалась привычным и понятным явлением, но вскоре её подмена стала очевидна по

одному только отличительному признаку. По цвету.

Привычный цвет ржавчины как будто бы стал тускнеть и с грязно-рыжеватого обратился в бледно пастельный оттенок. Шли недели и его окрас стремительно менялся, пока не остановился на кислотно-розоватом. Изменилась и текстура коррозийных струпьев при контакте обращающимися хрупкими и рассыпчатыми розовыми песчинками. Они осыпались с крыш домов и с кузовов машин, погребая их под своими дюнами.

Инфраструктура некогда подпитываемая мощностью электричества и топлива остановила своё сердцебиение, чтобы медленно деградировать до полной неработоспособности. Металл подверженный розовеющим прожилкам становился хрупким, отчего многие здания рухнули за считанные месяцы, а железнодорожные полотна превратились в изъеденные дождём стальные бруски.

Но и глобальные перемены не заставили себя долго ждать. Цвет неба так же день ото дня стал постепенно меняться, выходя далеко за рамки прежней обыденности. Небо розовело, как и ржавчина. Виной тому послужили атмосферные изменения, проявившие себя под неизвестным вмешательством.

Прошло всего полгода, а большая часть привычных цве-

тов уступила свои позиции оттенкам розового. Сперва многие не на шутку испугались, ведь резкая смена цвета казалась абсолютно дикой, но и к таким изменениям вскоре отнеслись как к божьему промыслу. Последним сдалось ярко жёлтое пламя костров постепенно преобразаясь в беловатое подобие прежнего себя. Мир взял курс на единообразие.

Воздух изменился став густым и удушливым, а вода приобрела неприятный сладковатый привкус гниения. Даже дикие животные заняв очищенные от человека уголья не выдерживали перемен и постепенно чахли под напором агрессивной среды. Растения оказались более устойчивы, несмотря на резкие изменения в почве воздухе и воде. Они также претерпели процесс смены окраса подчиняясь неизменному ходу вещей.

Спустя год, после начала катастрофы, от выживших осталась меньше половины. Кто погиб сам, а кого-то убили или принесли в жертву. Коммуны и секты стали единственным выходом, одиночек практически не осталось. И в это время, наступило второе пришествие Божественного императора. Он заговорил с людьми.

Заговорил не сразу и далеко не со всеми, но многие почувствовали это тёмными ночами закутавшись поплотнее в оборванные подобию одеял и лёжа на холодной земле когда

в их головах заскреблись обрывки слов и голосов. Их было легко спутать со своими собственными мыслями, особенно поначалу, но шли дни и голоса звучали всё более отчётливей. Они казались бессвязным бормотанием или мало разборчивым шёпотом, но иногда всё же складывались в предложения. По крайней мере многим так казалось. И вскоре эти таинственные голоса стали знакомы всем, рано или поздно они пробивались изнутри и приходили к каждому.

Голоса не несли в себе явной угрозы. У них был разный тембр, разные интонации и словарный запас. Кому-то слышались мужские, кому-то женские. Молодые и старые, жёсткие и мягкие, хриплые и шелестящие. Одним словом, разные. Пугающие по началу и такие желанные по сути. Голоса изредка казались очень знакомыми. Такими знакомыми, словно произносившие их уже звучали когда-то в жизни слушателя. Голоса людей давно умерших или умерших совсем недавно. Голоса друзей и голоса родных.

Те самые голоса, которые никогда уже не надеялись услышать. В отдалении ото всех, те кого однажды посетили до боли знакомые и желанные голоса пытались с ними разговаривать. Безуспешно. По ту сторону их как будто не слышали ответа, продолжая транслировать в мозг подобие оборванной во множестве мест диктофонной записи.

Число помешавшихся на таинственных голосах людей росло и временами целые общины погружались в безумие. И день и ночь над дымкой белых костров обесцвеченного мира висело тягостное замогильное бормотание, повторяющееся множество дней. Время от времени голоса становились тише, когда большая часть адептов бес сил валилась на землю от усталости, но после всегда возвращалось к прежней громкости и мешанине. Иногда люди в приступе невообразимой паники начинали кричать и умолять голоса оставить их, как будто к ним снизошло временная чистота рассудка, но не в том была причина. Шёпот мог быть как успокаивающим, возвращая давно забытую радость, так и пугающим, погружая в отчаяние. Голоса говорили разное и не всегда то, что от них хотели услышать.

Воздух продолжал густеть наполняясь чужеродными для мира флюидами. Вода стала совсем непригодной для питья и всё чаще среди общин встречались случаи отравления. Кустарная фильтрация спасала плохо, а еда, собранная в дикой природе, несла те же пагубные последствия на организм, что и водные запасы. Стада чахлах животных, кормивших общины своим мясом, почти полностью вымерли, сводя охоту на нет. Начался тяжёлая пора голода и безумия.

Напряжение между человеческими сообществами постепенно росло, а кровопролитные стычки случались всё чаще и

неожиданной. Сражались уже не столько за идеи, сколько за банальные человеческие потребности в еде и медикаментах. Религиозный фанатизм местами сменился банальным бандитизмом и некогда величественные пророки опустились до уровня лидеров кровожадных банд.

Но и они не могли гарантировать себе лучшей жизни, ведь напасть страшнее человеческой жестокости и жадности шла за человечеством по пятам. Отрава коснулась всего живого и вскоре за новыми условиями жизни пришли и новые болезни. Распознать их было просто, достаточно было взглянуть как тонкая кожа, натянутая на кости человека, принимает розовеющий оттенок. Этот признак означал, что чума коснулась несчастного.

С каждым днём заболевших становилось только больше. Их пытались лечить и заговаривать Императив молитвами о спасении. Пытались огородить больных от здоровых, пытались сжигать мёртвых, а иногда и живых. Распространение замедлялось, но этого было недостаточно. Симптомы неизвестной болезни разнились от человека к человеку, но чаще всего кожа покрывалась твёрдой коркой или сыпью, а в особо тяжёлых случаях – отвратительными наростами розовой опухоли. Эти пугающие изменения в очертаниях больных толкали здоровых на ужасные поступки. Их изгоняли из общин или ритуально предавали клинкам, во славу Импера-

тива.

Это время длилось долго. Дольше чем казалось разумным. Божественный Императив своими бесконечными истражениями поставил точку на альтернативных исходах. Человек был обречён, просто таймер на бомбе сработал с задержкой. Но он до последнего продолжал борьбу за свою жизнь. Отвратительные пунцовые наросты на телах окончательно потерявших разум паломников, день ото дня становились всё больше и отвратительней. Бродившие по городу одинокие фигуры, обтянутые неестественно розовой кожей, натывались на препятствия, падали разбивая лица, ранили тела и вновь поднимались, чтобы продолжить путь. Они не переставали шептать слова, чтобы задержать их в угасающей памяти хотя бы на мгновение дольше.

Они стремились подняться как можно выше, забираясь на крыши домов, словно розовое небо манило их как огонь мотыльков. Воздевая лица к нему в молитвенном жесте, тусклые искорки доживали свой кроткий век. Обречённые до последнего шептали губами, то ли слова прощения, то ли ведя беседу с "той" стороной, в надежде на ответ.

И когда жизнь наконец-то оставляла их, они позволяли себе застыть в неестественных позах воздевая к небу исковерканные худобой и болезнями руки. А после замирали на-

всегда, обращаясь гротескными статуями из не гниющей розовой плоти.

Так закончилась старая эра и началась новая эра незримо и ужасного Божественного Императива. Бог и правда вернулся в мир, и дела его были столь же велики сколь и ужасны. Он перекраивал, перекрашивал и лепил из него нечто абсолютно новое предварительно сбросив с поста хозяев планеты хрупкое и скоротечное человечество. Он влиял на мир столь отчётливо и так смело, как умеет только творец наносящий на свежий холст крупные мазки красок.

С чего вдруг люди были уверены в том, что творец обязан любить свое творение? С чего они взяли, что могущественный Императив будет играть в добродетели с теми, кто несравненно меньше чем он сам? С чего люди возомнили, что живут по ЕГО правилам и что эти правила в принципе существовали?

Ответ банален. Хотели уверить себя в том, что находятся в безопасности, защищённые знанием правил, предписанных творцу. Знанием, что давало надежду и ориентир в океане экзистенциального ужаса от бессмысленности происходящего. Сложно было винить их за это. Сам творец никогда не являл себя и не вёл разъяснительных родительских бесед. И когда мир в очередной раз посетила его воля, изменения что

несли с собой высшие силы просто смели хрупких созданий, не стоящих ЕГО внимания.

Что мог человек противопоставить такой силе? Каким путём мог уцелеть? Ответ неизвестен. Был избран иной путь. Обратившись всей верой и душой к непознанному, человек пытался понравиться бездне и вымолить себе безболезненный конец. А возможно стоило уподобить себя огню и бороться с изменениями самой природы до последнего, оставив след в истории как нечто непокорное? Не склонять голову, а скалить зубы. Обратить гнев и печаль в топливо, а слова в действия. Бога невозможно было убить, стоило попытаться ранить хотя бы его самолюбие. Так погибло бы человечество, смертью храбрецов что бросили вызов вечности и остались в ней собой. А так сама суть человека, покорившаяся Божественному Императиву исчезла, утратив собственную суть.